

По мокрому прибрежному песку медленно передвигались женские ноги. Белесоватая пена морской волны облизывала их и откатывалась назад. Это были ноги пожилой женщины, с косточками, венами. У колен полоскалась ткань низа платья из яркого красного шёлка. На талии платье было стянуто тонким кожаным ремешком, а выше оно обтягивало тело, выдавая слегка обвисшую грудь. Женщина была красива. Несмотря на старость, морщины, металлически поблескивающую седину длинных волос, слегка опухшие суставы пальцев рук. Тонкие черты её лица были соразмерны, глаза живо смотрели на свет с любопытством только входящего в мир человека.

ПЕРВАЯ

Она остановилась перед молодой парой, отдыхавшей в шезлонгах. Внимательно осмотрела девушку. «Талия узкая, ноги длинные. Хотя могли бы и быть чуточку полнее. Грудь очень хороша. И пожалуй, это лучшее из лиц, что я видела сегодня. Да, лицо просто замечательное. Она мне подходит».

Женщина сделала глубокий вдох, выпрямилась и подняла к спящему солнцу руки. Постояла так несколько секунд, затем слегка поднялась в воздух и бросилась всем телом на сидящую в шезлонге девушку. Та вздрогнула и издала еле слышный звук, словно пискнула мышь.

Её спутник удивленно смотрел перед собой: только что он видел красивую женщину почтенного возраста, бредущую по кромке воды, и вдруг она исчезла. Наваждение, что ли? Он перевёл глаза на свою подругу. Та была бледна как мел.

За завтраком они наметили кучу дел на сегодня. На работе он должен подойти к шефу и попросить прибавку жалованья. Шеф точно даст, потому что недавно очень хвалил его работу. Новая компьютерная программа позволяла существенно сократить сроки производства деталей и дать внушительную прибыль. С работы он уйдёт на два часа раньше, якобы на консультацию в смежный НИИ, а на самом деле, чтобы сходить с ней в кафе, а потом провести приятный длинный вечер дома.

– Ты забыл про Торговый центр, – сказала она и рассмеялась. – Я даже не знаю, куда меня больше тянет, в кафе с тобой или в Торговый центр с его консультантами женского платья.

– Я буду твоим лучшим консультантом по женскому платью, – серьёзно сказал он.

В ожидании его с работы она занялась уборкой дома, которую всегда ненавидела, но сейчас исполняла с удовольствием. Много раз подходила к большому зеркалу в спальне, рассматривала себя, смеялась от радости. Ей нравились её длинные ноги, тонкая талия и лицо. Дивное лицо. Она была довольна.

В кафе она заказала ликёр Бейлис и Мохито. Есть не хотела ничего.

– Странно, ты раньше вообще не пила ликёры, просто не выносила. Ты всегда заказывала красное вино, креветки, а на десерт шоколадное мороженое с орехами, кофе-глясе. А сейчас...

– Я стала старше, милый, у меня появились другие предпочтения.

– Насколько старше, на полтора дня? – рассмеялся он.

– На 54 года, – сказала она и тоже рассмеялась.

В Торговом центре они ходили по стеклянным галереям, опоясывающим магазин, заглядывая в каждую витрину. Он старался запомнить звучные имена Роберто Кавалли, Том Форд, Вивьен Вествуд. Она рассказывала ему, чем они отличаются друг от друга, ему это было странно, ранее она не проявляла такой осведомленности в модных брендах, да и вообще была равнодушна к моде. Больше интересовалась компьютерными играми, гаджетами, автомобилями. Могла запросто отремонтировать двигатель их поношенной Тойоты и часами говорить о своей мечте – Додже. В галерее они купили флакон «Мон Герлен»

от Герлен. Потом ещё «Поэму» Ланком. Пробник. Он начинал подсчитывать в уме траты и остатки денег на карте. Потом зашли в магазин готового платья и она выбрала себе несколько. Он просил показаться во время примерки, она ответила, что покажет дома. Он удивился такой авторитарности, на неё это было не похоже.

Дома они поужинали, и он попросил показать ему платья на ней, ему было интересно, на что пошли такие деньги.

Она с удовольствием побежала в спальню, было слышно, как движется по полу мебель. Наверное, отодвигает кресло перед зеркалом, чтобы увидеть себя во весь рост. Она вышла в красном, шёлковом, оно было стянуто на талии поясом, красиво подчеркивало грудь. Низ его полоскался чуть ниже колена.

– Я хотела именно такое, красное, шёлковое, летящее, даже странно, что именно такое оказалось в магазине, – сказала она.

– А два других? Покажешь?

Она подняла в руке ворох синей и зелёной лёгкой ткани, но внезапно швырнула его на пол и бросилась обратно в спальню. Оттуда послышались рыдания.

Он застыл в растерянности. Такой чудесный вечер, он столько накупил ей красивых вещей, в чём дело? Ранее у неё не было таких дурных припадков. Он пытался открыть дверь в спальню, она была заперта. Он постоял какое-то время в недоумении. Подёргал дверь, пожал плечами и ушёл в кухню сварить себе кофе. Его любимая всегда казалась ему невозмутимым, спокойным, даже холодноватым человеком. На его памяти она никогда не плакала... хотя был один раз, когда они опоздали на самолёт, и пришлось перенести отлёт на два дня, пропавшие из путёвки.

Он отрезал себе к кофе кусочек булочки, намазал маслом.

В кухню вошла она. Заплаканная.

Оперлась спиной о буфет. Подбородок её вздрагивал. Он вопросительно смотрел на неё, не спрашивая, чтоб не потакать истерикам.

– Зачем мы это сделали? Мы убили её! – сказала она.

– Кого?

– Твою маму. Она могла бы ещё жить и жить!

– Что ты несёшь? – он нервно посмотрел на неё. – У неё был рак, она была обречена!

– У неё был шанс! Операция, её брали к себе израильские врачи, отделение, специализированное именно на этом виде рака. Почему ты не дал ей этот шанс?

– Но ты же сама сказала, не надо этого делать, операция только продлит её мучения! Сама же первая сказала, не говори ей, что ты получил премию, что у тебя есть деньги, ты, ты это сказала, а не я!

– Но кто я ей? Чужой человек, а ты сын, ты обязан был настоять, ты ударить меня должен был за такие слова, избить, а не слушать!!! Мне легче было бы сейчас, если б ты тогда меня избил, но настоял на своём! Почему ты меня послушал, почему?

– Оставь, дело в прошлом, мы ничего не изменим, не рви мне сердце. Ты думаешь, мне было легко?

Она замолчала, глядя в пол. У неё снова потекли слёзы.

– Я не могу... не могу... её лицо, глаза, когда мы уходили... ты знаешь, ведь она поняла... она всё понимала... как мне жить теперь?

Он подошёл к ней, взял её руки в свои, стал целовать её пальцы.

– Нам надо не думать об этом. Всё ушло, всё в прошлом, ничего не вернуть... ничего не исправить... надо просто жить дальше.

– Не исправить... как больно именно это осознавать. Что тогда ещё можно было что-то сделать, спасти её, а сейчас нельзя, вот эта мысль и жжёт... Мы поменяли её на проклятую кучу денег, будь они неладны, а что мы получили взамен? Деньги ушли, незаметно растаяли, а ведь она понимала, что мы просто продали её за стоимость лечения... Сколько стоило то лечение, за ту сумму мы её и продали. И она знала, но промолчала. Предпочла оставить деньги тебе, своему сыну, и ты их взял.

Да, она была права, он знал это. Несколько лет они поддерживали негласный договор – не говорить на тему причины смерти его матери. Оба понимали, что поступили подло, уговорив себя, что лечение всё равно не поможет, что незачем «выкидывать» на него такие деньги, лучше их потратить на самих себя, которым ещё жить и жить. Ну, насколько бы они продали её жизнь? На пару лет? А ведь они сами ещё так молоды. И она понимала, мама, всё понимала, он видел по её глазам, по интонациям голоса. И жалела его. Не возразила.

Вот тот последний раз, когда он видел её... он стоял в дверях узенькой палаты на два человека, на правой койке никого не было, а на левой сидела мама. В депёвом байковом халатике в мелкий цветочек, которые она всегда носила. Она смотрела на него и улыбалась. Смотрела с прощальной улыбкой, в ней были и любовь, и сожаление, и грусть, и такое понимание... и жертвенность...

Худенькая такая, а на ногах войлочные тапочки... Она улыбалась, чтобы поддержать его, давала знать, что не сердится, прощает, отпускает на волю...

На ней были совсем сношенные тапочки...

Но ведь не его была эта злая идея, она первая произнесла вслух: «Операция ей не поможет, только продлит её мучения». Вроде бы она сама печётся о матери, а ведь оба понимали, что это фальшь, им просто жалко денег. А теперь она кричит, обвиняет его в преступлении, словно бы он один виноват, это нечестно. Прошло пять лет, никто не поднимал эту тему, что это стало с ней? Прошлое не вернуть, ошибки не исправить, значит не стоит и вспоминать, а тем более терзать друг друга.

Вчера она бросила ему странную фразу: «Это тебе не исправить твоё прошлое, а не мне... я-то моё могу».

– Что? – удивился он.

Она повернулась и резко ушла в спальню. Когда он вошёл спустя десять минут, она уже спала или делала вид, что спала.

Ещё одна неделя протекла в молчаливом напряжении. Она исполняла всю нужную работу по дому, на тему смерти матери более не говорила, но он видел, что она страдает. Это было заметно по её замкнутости, погружённости в себя, по тому, как она иногда застывала, глядя в одну точку. Сжимала щёки ладонями, что-то шепча. Об их близости не было и речи.

Однажды утром он проснулся и увидел её стоявшей у двери в любимом красном платье.

Она взялась за дверную ручку, он приподнялся на локтях:

– Ты уходишь так рано? Куда?

– Всё. Я больше не могу.

Он рванулся задержать её, но тут услышал сбоку от себя чьё-то тихое сопение. Оглянувшись. Его подруга лежала рядом с ним в постели, в своей обычной позе, на боку, положив ладони под щеку, на её лице, спокойном, умиротворённом, появился обычный румянец, который он не наблюдал уже много дней.

Изумленный, он перевёл взгляд на дверь.

У двери никого не было.

ВТОРАЯ

Тренер девушек, занимающихся прыжками в воду, был доволен своими воспитанницами. Особенно той, что сейчас поднималась на вышку для прыжка. На соревнованиях он всегда делал ставку именно на неё. Ей двадцать восемь лет, но это не критический возраст для карьеры в прыжках, не художественная гимнастика, небось. Ещё можно будет с ней поездить по миру на чемпионаты. Уникальные способности, артистичность, интеллект, сильное, гибкое, безупречное тело.

А это что за новость? Тренеру вдруг показалось, что вслед за спортсменкой наверх взбирается старая женщина в красном платье. Издали не было чётко видно её лица, но длинные седые волосы, схваченные на затылке в пучок, дряблость оголенных рук выдавали возраст. Как это может быть? Кто её пустил в зал? И зачем такой старой женщине лезть на вышку? Он же отвечает за безопасность в бассейне! Тренер рванулся к вышке, но когда подбежал, поднял голову вверх, там никого не было!

Тренер застыл в недоумении.

Она вернулась с тренировки в шесть вечера, поела и включила на кухне телевизор. Шла какая-то тупая развлекательная передача, ситком, примитивные ситуации и дебильный смех за кадром. Но ей хотелось именно что-то такое, чтобы не напрягаться, а под сопровождение цветных картинок на экране и равномерного шума посидеть, подумать, решить, наконец, что делать. Деньги на свою квартиру она начала собирать давно, уже можно брать ипотеку, и внести сразу пятьдесят процентов, но отца жалко. Даже не так жалко, как не хочется скандала, который он затеет. Начнет кричать, жаловаться. Конечно, ему удобно жить с ней, и деньги на хозяйство она в дом приносит, еду готовит. И ещё одна деталь их отношений, о которой и вспоминать не хочется.

Но всё-таки и жалко тоже. Он ведь один останется, больше у него нет никого.

Сколько у неё было возможностей выйти замуж, он всех из дому выгонял. Давно ей пора уже сделать свой выбор, кто он ей такой, в конце концов. Отец, да, но его миссия давно кончилась. Даже не начавшись, прибавила она и мысленно фыркнула.

Во входных дверях провернулся ключ, она встала и ушла в свою комнату. Слышала, как отец снимает обувь в передней, швыряет на пол.

«Почему бы аккуратно не поставить» – с раздражением подумала она.

Он подёргал дверь в её комнату. Закрыто. Ушёл в кухню, вскоре там засвистел чайник.

Она стала просматривать новости в своём телефоне, но в дверь снова поскреблись, потом постучали.

Она открыла дверь и вышла в коридор.

– А что мне есть, там на плите нет ничего, – сказал он.

Она пошла в кухню и молча стала разогревать обед.

Он сел за стол, следил за ней угрюмо.

– Опять суп и каша с котлетами. Нет чтобы меню разнообразить.

– У меня нет времени на разнообразия. И я не обязана.

– Обязана. Ты мне дочь.

– За дочерью в ванную не подглядывают. И задницу с сиськами не обсуждают.

– Когда это я обсуждал, а? Это с кем мне такое обсуждать?

– Да ни с кем. Самому с собой. Подглядывал в щёлку двери и себе говорил, задница у неё красивая, а сиськи никуда не годятся, я побольше люблю. Надо было тебе кипятком в лицо плеснуть, так тут как раз горячая вода идти перестала. В следующий раз поймаю на таком, глаза выколол, понял?

Она швырнула со злостью сковороду на плиту.

– Ты потише ори, перед соседями стыдно.

– А вдрызг пьяным приходите не стыдно? За дочерью подглядывать не стыдно? Думаешь, я не понимаю, почему ты никому ухаживать за мной не даёшь? Выставляешь отсюда всех. Ты запомни, хорошо, запомни, я тебя лучше убью и в тюрьму сяду, чем ты это получишь, понял? Убью, отсижу и выйду, а тебя не будет, навсегда не будет, так что лучше не рискуй!

Он тяжело задыхался, набычился, глаза налились кровью.

– Слышала бы тебя твоя мама, как ты всё врешь, – начал он.

– Слава Богу, моя мамочка меня не слышит. Слава Богу, она умерла много лет назад. И не слышит ни меня, ни тебя. Да и я её, слава Богу, не слышу. Это её вечное: убирайся отсюда, ты нам не нужна, отравила бы тебя, сучка мелкая, да закона боюсь.

– А я? Я-то здесь при чём? Это она от тебя избавиться хотела, а не я.

– Неправда! Оба хотели! В тот Новый год, когда я уронила блюдо с холодцом на пол, вы выскочили оба из-за стола, избил меня и выпшвырнули за дверь. На лестницу, а потом выкинули мне туда шапку, сапоги и пальто. За час до Нового года! Вы подумали, куда я пойду? В четырнадцать лет! Я пошла к тренеру, пешком через весь город, потому что у меня не было денег на трамвай, а его не оказалось дома. И я провела новогоднюю ночь в сквере на скамейке. Меня могли изнасиловать и убить, и вы это понимали, знали, что я где-то на улице, ночью, где полно пьяных. Вы понимали это, и были согласны, лишь бы не вашими руками. Чтобы в тюрьму не сесть! И я правильно всё поняла, я это знаю!

– Какая у тебя злая память, ты ничего хорошего не помнишь, только плохое, – пробурчал он и принялся громко хлебать суп.

– А мне хорошего помнить нечего, не было ничего. А в восемь лет, когда у меня было воспаление лёгких, я лежала одна в маленькой комнате, а вы ко мне не заходили даже, не кормили, не давали лекарств, ведь вы тогда тоже надеялись, что я умру, и не надо будет меня терпеть в доме, тратиться на школьную форму и тетрадки, на сменную обувь. Как она вас раздражала, эта сменная обувь, лишняя трата, как вы честили из-за неё учителей! Вот тогда я, маленькая, поняла, что если я хочу выжить, мне надо пойти на спорт, я буду сильнее, у меня будут подруги, будет тренер, я выживу!

Он доел суп и принялся за котлеты, вырбывая их ложкой из каши, отламывая ложкой по куску.

– Возьми вилку, – сказала она резко. – Ты ешь, как свинья!

– Не командуй мной, мала ещё поучать, – пробурчал он.

– Мне двадцать восемь лет, я взрослый человек, и более состоявшийся, чем ты, так что имею право поучать.

– Именно, что двадцать восемь тебе, двадцать лет прошло, как ты воспалением болела, а всё забыть не можешь, – он вытер рот бумажной салфеткой, которую она всунула ему в руку.

Она отрицательно качнула головой, вытерла полотенечком стол и отвернулась к окну.

– Я не это забыть не могу, не то, что вы меня убить хотели, это я вам простила давно и зла не держу, – сказала она горько. – Я того простить не могу, что вас у меня никогда не было. Не было у меня мамы и папы, и не будет уже. Мне девяносто восемь исполнится, а я и тогда захочу вас иметь. И перед смертью захочу. Я люблю вас, обоих люблю, а вас у меня не было. Я люблю пустое место, мираж, семью-призрак, люблю своё желание иметь вас, а вас нет. И даже воспоминаний о маме и папе нет, есть воспоминания о людях, желавших мне смерти. Как мне это вынести, как тянуть дальше по жизни этот груз... как любить пустое место, которое не отвечает мне на мою любовь...

Он мало понял из того, что она сказала, но у него вдруг защемило сердце. И дочка, присевшая на подоконник, свесившая на грудь голову, впервые показалась ему родной.

А ещё ему вдруг показалось, что рядом с ней он видит старую красивую женщину в красном платье, которая нежно гладит её по голове и уходит, бесшумно, мягко ступая, уходит к дверям, глядя на его дочь с болью, нежностью и любовью...

ТРЕТЬЯ

Сияла сцена, сияла рампа, сияли лица организаторов Международного конкурса красоты. Такое событие в городе!

Девушки в купальниках, одна другой краше, выстроились на сцене, перебирая длинными ногами на высоких каблуках, волнуяще покачивали изящными бёдрами, левая рука упирается в бок, как учили на подготовке. Улыбаются, делают вид, что рады успехам друг друга, показательно обнимаются. Всюду блеск, лоск и красота.

В зале роскошно одетая публика переживает за своих, любит молодостью, здоровьем, выставленным на показ, на конкурс. Кто победит?

Девушки были смуглые, были белокожие, блондинки, брюнетки, чуть повыше, чуть пониже, но все были ослепительно красивы. Ведущий, затянутый в чёрный фрак, бегал по сцене с блокнотом, куда заглядывал, чтобы задать конкурсантке очередной вопрос. В публике спорили, известны ли заранее конкурсанткам вопросы или действительно девушки соревнуются на звание Мисс Республика по-честному. Все сходились на том, что первое место получит претендентка номер 13. Уж очень хороша. Что тело, что лицо, и на каверзные вопросы ведущего отвечает без запинки, ослепительно улыбаясь. Она стояла в шеренге крайней справа.

Неожиданно зрителю, что сидел в первом ряду на месте двадцатом, показалось, что правее конкурсантки он заметил старую женщину в ярком красном платье. Она тоже улыбалась идеально белыми искусственными зубами, контрастировавшими с её увядшей кожей и радостно смотрела в зал. Женщина была, безусловно, красива даже в своей старости, но её нахождение на сцене было совершенно неуместно.

Зритель повернулся к своему соседу:

– Вы видите? Вон там справа? Кто эта седая старуха в красном?

Тот посмотрел на него с недоумением. И вправду, справа ничего не было! Но точно то же увидел зритель, сидевший в пятом ряду на месте пятнадцатом, и зритель, сидевший в двенадцатом ряду на месте двадцать втором. И тоже решили, что им что-то «показалось».

Грянул гром оваций. Ведущий надел на голову девушке номер 13 блестящую корону, усеянную камнями Сваровски, две вице-мисс поцеловали её. Она смеялась от счастья, придерживая корону двумя руками, так как та всё время сползала на лоб. Зал рукоплескал.

Уже на второй день после победы ей предложили контракт на демонстрацию нижнего белья «Victoria's Secret». И серию рекламных снимков нового крема для лица Ланком. За один выход на подиум – 1000 долларов, один снимок – 5000 долларов. На неё полился золотой дождь.

Пригласили поработать ведущей в паре со знаменитым актёром на кинофестиваль в Марокко. В самолёте во время полета она думала, что это сон, что вот она проснётся и всё закончится. Но в Марокко её встретили у трапа, отвезли в отель. Вручили тетрадь с текстами на английском языке. Английский она знала достаточно хорошо. Отрепетировали с соведущим. Для него английский был родным. Он поправлял её произношение, гладил по руке и напрашивался на вечернее продолжение работы. Она согласилась для начала на ресторан.

Десять дней фестиваля пролетели, как летний сон. Американский актёр посоветовал её кандидатуру на переводчицу. Это дало ей дополнительные деньги и возможность посетить с кинозвёздами интересные места. Марокканский базар, где она купила себе парочку золотых браслетов и огромные ажурные серьги, которые так облагораживали её лицо, хоть оно и без того было необычайно красивым. Экскурсию в шатёр бедуинов в пустыне. Там они провели ночь на толстых цветных коврах, любуясь небом с густой сетью хрустальных звёзд. Восточная сказка, куда она попала, потеряв волшебную лампу Аладдина. Разве это с ней происходит? Со скромной красивой девочкой, не претендовавшей более, чем на Мисс Медицинское училище? «Была Мисс Медицинское училище, потом Мисс Города, теперь Мисс Республика, благодарю, благодарю тебя, Боже!»...

Из Марокко она полетела в Лондон на показы Fashion Week «Victoria's Secret», получила приглашение на следующую Fashion Week в Нью-Йорк. Завела счёт в солидном банке. С показов в Нью-Йорке вместо оплаты взяла ту одежду, которую демонстрировала. У неё ещё никогда не было таких дорогих и красивых вещей.

Сказка, у которой не было горизонта, не виделось конца, а одно счастливое событие тянуло за собой другое, словно судьбу её кто-то вязал из тончайшей шерсти невидимым крючком.

Домой она вернулась спустя два месяца непрерывных показов, хождений по подиуму, рекламных съёмок, заключения долгосрочных контрактов. Она уже поняла, что нельзя соглашаться на первую предложенную сумму, какой бы большой она ни казалась. Научилась говорить «нет» и оговаривать для себя лучшие условия и лучший номер в отеле. Требовать перерыва между съёмками, тем более, что за последние два месяца она чертовски устала.

Надо найти себе агента для продвижения и передать ему полномочия по заключению договоров. Платить ему десять процентов от договора, он будет стараться. Чем выше цена договора, тем больше он получит. Или запросит двадцать процентов? Надо узнать, сколько принято платить агенту.

Она сидела в кресле номера-люкс. Сбросила туфли с зудящих ног. Скрестила ноги, ощутив под стопами мягкий, глубокий ворс китайского ковра. Вот такой она кушит себе в спальню.

Как она устала. Может, прилечь?

Вчера утром болела голова и тошнило. Наверное, переработалась.

Она взяла ручное зеркало и взглянула в него. Что-то неуловимое появилось в её лице. Что-то новое. Овал, он стал не таким чётким, как прежде. Она вскочила с кресла и побежала в другую комнату. Открыла ящик письменного стола и стала рыться в своих фото. Вот две фотографии в одном ракурсе с перерывом в два месяца. На более поздней овал лица намного круглее, особенно внизу. Словно бы валик тонкого пока ещё жира добавился к нижней челюсти. Она застыла, глядя на фото и чувствуя, как подкашиваются ноги.

Год назад она упала на катке на спину и ударилась затылком. Подлетели другие катающиеся, подняли её, успокоили. Ну, упала на лед, не беда. Всё же целое. Было не больно, но испортилось настроение, предчувствие чего-то неотвратимого и тоскливого накатило на неё.

В суете дел происшествие забылось. Но стала побаливать голова. Иногда кружилась. Давление в норме. Исследовали черепное, тоже в норме. Она решила сбегать на кафедру психиатрии, к профессору, чьи лекции она обожала, а он уважал её за интерес к ним. Профессор сам отвел её в лабораторию, через пятнадцать минут был готов рентгеновский снимок. Затылочная часть. Что-то там не понравилось научному светилу. Он попросил её лечь на кушетку и простучал надпочечники. Внимательно осмотрел руки и бёдра. «Что там может быть, на руках и бедрах» – думала она.

– Вам нужно сделать МРТ и показаться нейрохирургу, – сказал он. Рентген грубое исследование, вам нужно МРТ. И не отнеситесь к своему здоровью легкомысленно, милая девушка.

– А что там может быть, вы что-то заметили? – спросила она, волнуясь.

– Там может быть что угодно, вплоть до объёмного процесса. Не нравится мне ваш снимок. МРТ покажет.

Но на МРТ у неё тогда не было денег. Потом происшествие забылось. Потом началась её головокружительная карьера. А сейчас всё всплыло в памяти. Как профессор отошёл к окну и говорил тихонько с рентгенологом. Она краем уха услышала – синдром Иценко-Кушинга. И вот сейчас её догнали эти слова. Догнали и ударили по затылку снова, как тогда на катке. Обрушились на неё, как падает на голову незамеченный на карнизе огромный пласт слежавшегося снега.

Её лицо округлилось. Оно стало лунообразным. Теперь она чётко видела это в зеркале. Вскоре лицо станет багровым. Начнут выпадать волосы – они уже давно выпадают, она приписывала это утомлению и вредному лаку для волос. На руках и бёдрах появятся стрижи, багровые полосы. На груди жёсткие волосы по мужскому типу. По мужскому типу вытянется лобок. Всё тело примет мужеподобные очертания, руки и ноги исхудают, а туловище приобретёт форму круглой бочки. Ягодницы повиснут двумя косыми складками. Месячные прекратятся. Атрофируются груди. Она будет лечиться, не для того, чтобы вылечиться, а чтобы медленнее становилось хуже. Чтоб хоть только задержать. Чтобы болезнь уродовала её хоть насколько это возможно медленнее. О будущих детях...

...нет, это невозможно, это не могло произойти с ней, почему, за что?

Ошибка? Нет! Вот уже на бедре наметились эти жуткие полосы, наверху, на расплывшей части, а нижние части ног похудели. Да, она заметила эти изменения неделю назад, но прятала голову в песок, трусливая, как страус!

Нет худших заболеваний, нежели те, что уродуют человека внешне, ибо нет для нас ничего дороже, чем собственный облик, тот, что мы видим каждый день в зеркале, – он становится нашим вторым «Я», самым близким другом. Единственным настоящим верным другом, но он же и покидает нас постепенно, неуклонно, с каждым днём приближающейся старости. Глядя в зеркало, мы теряем себя, единственного, с кем можно было поговорить обо всём, ничего не утаив. «Мой верный молодой друг, ты уходишь, а вместе с тобой моя жизнь, карьера и счастье». Уважение и почёт других людей, потому что, и это горькая

правда, человека оценивают по внешности, что бы там ни говорили моралисты. Красивому прощают порок, с некрасивого выискивают вдвое. Такова тяга человека к физическому совершенству, предпосылки естественного отбора.

Страшный неумолимый синдром Иценко-Кушинга не остановить, не умолить. Он уродует человека, его жизнь, его страсти, нивелирует его половую принадлежность, приводит к смерти, сначала общественной, потом физической.

Она, пока ещё красавица, Мисс Республика, четко прозревшая сейчас своё будущее, бросилась лицом на кровать, рыдала, кусала подушку, кусала свои пальцы и выла в бессильном отчаянии.

Рядом с её постелью, в кресле, старая женщина в красном платье закрыла руками лицо, раскачиваясь от сердечной боли, от жгучего сочувствия к этой девочке, которой ничем не могла помочь, не могла спасти и которую сейчас вынуждена будет оставить...

НА ХОЛМАХ

Вечерело. Лёгкий ветерок бережно нёс в своих ладонях ароматы луговых трав и цветов, выискивая их в лощинах и поднимая вверх, к вершине холма. По дороге ветер прижимал к земле серебристые кусты, с которых осыпались розовые лепестки, почти прозрачные на солнце, размахивал тонкими веточками молодняка, прораставшего между старыми деревьями то тут, то там. На вершине холма, на сером округлом валуне сидела женщина в красном, кожаный поясok она сбросила, он валялся тут же, и ничто не мешало ветру играть со складками её шелкового платья. Она держала в руках пучок полыни, погрузив лицо в её горькую свежую плоть.

– Первый раз в жизни ты не опоздала на свидание. Даже пришла немного раньше, – раздался за её спиной хриловатый мужской голос.

Женщина обернулась, радостно улыбнувшись.

– Наконец мы снова вместе, любимый. Но, я вижу, у тебя тоже не получилось? Скольких ты пере-пробовал?

– Пятерых.

– А я шесть. Я так боялась, что у тебя получится, ты придёшь сюда молодой и полный жизни, а я приду старухой, и ты бросишь меня.

– Я боялся того же самого. Что в молодое тело вселишься ты, а я остаюсь стариком. И потерю тебя. И знаешь, я рад, что мы остались прежними, пусть в своём возрасте, но мы снова на равных.

– Смешно это слышать. Я бы не бросила тебя, даже если б вошла в тело семнадцатилетней. Но я оказалась слабой. Не смогла вынести тот груз прошлого, что был у моих девушек. Тело ничего не значит, если в прошлом остались обиды, горе, шрамы на сердце. У них это было у всех. И избавиться от этого невозможно, забыть невозможно... Время ничего не лечит, это ложь. Прошлое всегда за спиной, как горб, как колебание воздуха, сквозь который мы проходим. Одна из них сказала: «Я и в девяносто восемь лет буду помнить». И, соединившись с ней в её теле, это помнила и я. И так же страдала. Я оказалась слабой, ведь у меня есть и свой груз. Двойной груз я не смогла вынести.

– А ведь такая была роскошная задумка, уникальная. Нам дали шанс вселиться в молодые тела, потом снова встретиться здесь и начать новую жизнь, ещё раз прожить столько же лет в счастливом браке. Мы не справились...

– Мы доживём столько, сколько осталось. Я люблю тебя! Старый мой муж, мой любимый старый муж!

– Дай мне руку, я помогу тебе спуститься, знаешь, вниз всегда тяжелее идти, чем наверх, хотя это кажется nonsensом. Странно, да? Но это так.

Он взял её за руку, помог подняться с валуна и осторожно повёл по тропинке с холма.

Она глядела под ноги, чтоб не оступиться, и они медленно пошли вниз, к подножью горы, где уже почти совсем стемнело, два красивых старика, любящие друг друга.